

Хроника научной жизни

«Смех и коммуникация»:

Пятый международный гелологический конгресс

(РГПУ им. А.И. Герцена, 29 мая — 1 июня 2019 года)

Коммуникативный потенциал смеха и юмора стал объектом пристального рассмотрения ученых в ходе Пятого международного гелологического конгресса, который проходил с 29 мая по 1 июня 2019 года в Российском государственном педагогическом университете имени А.И. Герцена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-20036/19). Ученые из Новой Зеландии, США, Украины, Молдовы, Беларуси, Эстонии, Италии, Франции, Швеции, России, Испании, Германии, Польши, Финляндии, Вьетнама — специалисты в самых разных областях науки, таких как философия, история, литературоведение, лингвистика, культурология, фольклористика, психология, политология, религиоведение, антропология, этнография и других — собрались на четыре дня в Санкт-Петербурге, чтобы обсудить теоретические и практические вопросы науки о смехе и юморе. Конгресс проводится в России раз в два года начиная с 2011 года и развивает традиции периодической конференции «О природе смеха», которая проходит в Одессе с 2000 года. Международный гелологический конгресс — крупнейшее на постсоветском и русскоязычном пространстве регулярное научное мероприятие, посвященное смеху и юмору. В этом году в качестве организаторов выступили Институт философии человека РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), Лаборатория гелологических исследований Социологического института РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Санкт-Петербург), ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (Москва), ФГБОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова (Москва), общественная организация «Одесская гуманитарная традиция» (Одесса), агентство «Mice and Travel» (Санкт-Петербург) и Санкт-Петербургский клоун-мим-театр «Мимигранты». Также техническую и консультационную поддержку эстонским участникам оказали генеральный консул Республики Эстония в Санкт-Петербурге Карл Эрик Лаантее Рейнтамм и консул Кярт Юхасоо-Лоуренс. Программа конгресса была достаточно интенсивной — помимо четырнадцати тематических секций в нее были включены презентация книги Жозефины Кушнир «Феномен гуманизации мифа в интеллектуальной прозе XX века» (Chişinău: Pontos, 2017 (Молдова)), воркшоп «Как юмор и смех способствуют изменению эмоций в конфликтных взаимоотношениях» Германа Пайо (Испания), мастер-класс Театра

отношений Романа Золотовицкого «Роль и ее тени» (Россия — Германия), презентация благотворительного фонда «Доктор Клоун» (Россия), круглый стол «Античный смех», открытые лекции и другие мероприятия. Такое многообразие событий предполагало сохранение баланса между теорией и практикой, а также решение главной задачи конгресса — преодолеть характерную для конференций дисциплинарную замкнутость: секции строились как проблемные, предполагающие доклады представителей совершенно различных наук, благодаря чему возникало дискуссионное поле. Зачастую в ходе обсуждений преодолевалась терминологическая и методологическая разобщенность между науками, происходил поиск общего языка для описания научной гелологической проблематики.

Содержательная часть конгресса началась с доклада *Мойры Марш* (Университет Индианы, США) «*Смех и не-смех: к аналитической теории восприятия юмора аудиторией*», который задал направление для теоретических размышлений о юморе и смехе как коммуникации между шутником и слушателем. Исследовательница утверждает, что смех — это не просто рефлекс, а нечто, имеющее заранее оговоренные условности; кроме того, (в отличие от юмора) смех не может быть спонтанным. Следовательно, смех — это механизм коммуникации, который подчиняется определенным представлениям о смешном в конкретной культуре. Участники смеховой коммуникации должны обладать относительно равным статусом для того, чтобы шутка оставалась шуткой и воспринималась как таковая. Докладчица отметила, что слушающему совершенно необязательно соглашаться с идеей шутки, чтобы ее оценить. Однако ее можно считать удачной только тогда, когда над ней смеются. Если же шутка кажется собеседнику неудачной, в ответ следует нечто, что Мойра Марш обозначила термином «не-смех». Характерной реакцией «не-смеха» могут быть как абсолютная тишина в ответ (т. е. полное игнорирование), так и некоторые комментарии, которые следуют за шуткой. «“Не-смех” — способ показать, что шутка все же была смешной», — подытожила докладчица.

Следующим в докладе «Пародийное начало в культуре» свои теоретические наработки представил *Сергей Троицкий* (Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН / СПбГУ). Выступление стало продолжением серии докладов о пародии, прочитанных в июле 2018 года. На конкретных примерах всем знакомых культурных практик докладчик представил различия пародии и стилизации, на которые указывал еще Ю. Тынянов. Исследователь отметил, что пародийный текст культуры часто воспринимается как стилизация, т. е. как прямое высказывание, соотносящееся с «реальным» содержанием, в отличие от пародии, которая обращается к самому этому прямому высказыванию, но не к «реальной» вещи. Такая подмена в процессе интерпретации пародии является следствием разрозненности социальных и культурных «опытов», «норм» социальных групп внутри культуры. Докладчик обратил внимание на длительную традицию не воспринимать комика всерьез, — традицию, которая позволяла последнему видеть события со стороны (остраненно). Комик, который сохраняет свою профессиональную репутацию, когда идет в политику, т. е. в пространство прямого высказывания, по мнению ученого, может быть эффективным кризисным управляющим, свободным от этикетных условий и правил культурной коммуникации, сковывающих действия обычных управляющих.

Завершил секцию доклад *Игоря Криштафовича* (Украина — США) «*Общая теория смешного*». Автор представил разработанную им теорию, которая стремится сделать юмор сводимым к цифрам и универсализировать данные о смехе. По мнению докладчика, можно вывести формулу смешного и с ее помощью рассчитать эффект юмора. Такой позитивистский подход вызвал у слушателей противоречивую реакцию, поскольку все переменные, которые предлагается исполь-

зовать для расчетов — «личная сопричастность», «сложность задачи», «время, затраченное на разрешение задачи», «фон настроения», — носят относительный и субъективный характер и не могут иметь точного цифрового выражения.

Во второй секции обсуждались современные юмористические технологии. Владислав Мараев (Гетеборгский университет, Швеция) в своем докладе «*Формализация смеховой несообразности в диалоге*» предложил рассматривать юмор как разновидность общения, результатом которого должно быть понимание, выражаемое смехом. Наряду с эмоциональным содержанием (радость, изумление, стыд, смущение, беспокойство) смех может окрашивать модус высказывания, а также являться самостоятельным сообщением. Например, использоваться как маркер иронии, отражающей несопадение буквального и подразумеваемого значений. Несοοобразность (incongruity) — ключевое свойство, характеризующее «осмеиваемое», поэтому формализация данного понятия является ключевым для определения причин смеха. Поскольку исследования докладчика связаны с искусственным интеллектом, речь шла о модели несообразности, которая позволила бы компьютеру выявить ее источник и уместным образом реагировать на смех.

Ольга Щербакoвa (СПбГУ) представила результаты своих полевых исследований, продолжив тему понимания юмора. Доклад «*Это не смешно: динамика показателей понимания анекдотов современными молодыми взрослыми*» — результат большой кропотливой работы по изучению отношения современных молодых людей к анекдоту. Основой для анализа стало сопоставление двух эмпирических замеров, выполненных в 2009 (N = 37) и 2017 (N = 39) годах. Несмотря на то что анекдоты стали неотъемлемой частью российской культуры, исследовательница констатирует постепенное отмирание этой фольклорной формы, поскольку реципиенты единодушно сообщали в ходе интервью, что анекдоты в их среде общения не рассказываются, а показатели как когнитивного, так и эмоционального понимания этого жанра в выборке 2017 года существенно снижены по сравнению с показателями, полученными в 2009 году. Оказывается, что снижение понимания относится не только к анекдотам, но и к многозначным текстам в целом. Другими словами, можно утверждать, что чем короче шутка, тем она смешнее.

В докладе Елены Семеновoй (Институт художественного образования и культурологии РАН) «*От балагана до хайпа*» был представлен анализ двух моделей общения. Эти модели имеют формальное сходство по ряду речевых стратегий, но существенно отличаются функцией, которую выполняет в них ироническое высказывание. В первом случае («хайп») словесная ирония, выраженная при помощи ненормативной лексики, используется преимущественно для того, чтобы спровоцировать конфликтную ситуацию, создать общественный резонанс. Во втором («балаган») — для того, чтобы избежать конфликта или его предотвратить. В коммуникативной модели поведения «хайп» поощряется серьезная агрессивная речевая атака, но запрещено телесно-игровое взаимодействие. В модели «балаган», напротив, агрессивная речевая атака запрещена, но телесно-игровой контакт, выступающий индикатором близости отношений, поощряется. Исследовательница отмечает, что неотъемлемой частью иронического высказывания является телесное, фамильярное общение, амбивалентная хвала-брань, божба, проклятия, которые создают особый тип доверительной, приватной и даже семейной связи. При нарушении характера взаимодействия, хотя и при формальном сохранении всех внешних признаков, модель коммуникации становится своей противоположностью: «хайп» превращается в «балаган» и наоборот.

В ходе секции «Смех и политика» свои доклады представили ученые из Германии, России и США. Филолог из Соединенных Штатов Кэтрин Дэвис (Университет Алабамы) прочитала доклад «*Интерпретация “юмора” Дональда Трампа*

как угроза: отрицание смысла “безобидных шуток”. Поскольку главным свойством шуток Трампа является неискренность, мы никогда не можем знать наверняка, играет ли Трамп на публику или выражает свое мнение. Большинство своих шуток он маркирует следующим образом: «Это всего лишь шутка», однако некоторые из них не получают такой ремарки. Исследовательница задается вопросом, не является ли такое маркирование способом ухода от ответственности за излишне резкое, прямое высказывание. Например, высказывание во время выступления перед сторонниками («Пойду на Пятую авеню, застрелю человека и не потеряю ни одного избирателя») фактически допускает насилие. Докладчица полагает, что целью таких шуток является провокация, которая приводит к внеправовой жестокости и поляризации общества. Кроме того, эти шутки вызывают скорее страх, нежели смех, поскольку их содержание снижает значимость насилия (все позволено, если назвать это шуткой).

Социолог Алла Корниенко (Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН) проанализировала изменения, произошедшие с языком в последнее время. В докладе «Ирония и насмешка как языковые индикаторы противостояния власти и общества» она обратила внимание на роль социальных сетей в процессе формирования новых слов. В России социальные сети выполняют также и функцию непрямого (ввиду отсутствия прямого) диалога общества с властью. Проводимый уже двенадцать лет конкурс «Слово года» позволяет выявить определенные тенденции в словообразовании: 1) тотальная политизация слов года (реакция на высказывания или действие властей), наблюдаемая с 2008 года и вызванная активным внедрением политики в жизнь; 2) большинство слов года имеют негативные коннотации; 3) использование иронии и насмешки (например, Сколково — Осколково, гармонизация — карманизация), которые стали самой массовой и естественной реакцией на существующее гипертрофированное насаждение норм, морализаторство; 4) «русскость» — для новых слов используются русские словообразовательные единицы.

Литературовед Евгения Волощук (Европейский университет Виадрины, Германия) представила доклад «Имагологические стереотипы об украинцах в книге Бриггитте Шульце “Саша, наливай! С любовью и водкой сквозь 25 лет Украины”», в котором проанализировала основные стереотипы об Украине в немецкоязычной литературе. В частности, Украина, находящаяся в непосредственной близости от Западной Европы, предстает как часть большой единой полудикой Восточной Европы, в которой границы между государствами не воспринимаются западными европейцами (немцами) как что-то существенное. Бриггитте Шульце в книге «Саша, наливай...» инсценирует сложившиеся стереотипы, благодаря чему проявляются как положительные национальные особенности (украинцы гостеприимны, готовы помочь, умны, талантливы, заботливы), так и отрицательные (украинцы и русские завидуют размерности жизни европейцев, страдают от своей истории, но ничего не меняют). На вопрос о том, что определяет такое хождение стереотипов, ученый дает ответ — ментальные карты. В ходе обсуждения после доклада исследовательница также поделилась своим наблюдением: в «Гарри Поттере» все людоеды и злодеи происходят из Восточной Европы.

Семиотическому и герменевтическому подходам были посвящены доклады четвертой секции, первый из которых — «Семантика и прагматика смеха во взаимодействиях» Кьяры Маццокони и Джонатана Гинзбурга (Университет Париж VII имени Дени Дидро, Франция). Авторы исследовали реакцию детей и их способность понимать шутки на разных этапах личностного и эмоционального роста. Поскольку функции детского смеха отличаются от функций смеха взрослого,

важно обращать внимание на возрастные изменения. Привычка смеяться эволюционирует, однако со временем она может исчезнуть. Чтобы это предотвратить, важно выявить основные этапы развития смеха и его особенности в детском возрасте. Уровень возбуждения во время смеха у детей больше, как и вероятность засмеяться. Дети чаще смеются над своими шутками, причем произвольно, имитируя смех без определенной цели. Юмор выстраивается как подражание и повторение. Для детей смех — исключительно положительная реакция. Авторы исследования также обратили внимание на то, насколько ярко смех детей разного возраста отражает культурные установки.

В продолжение выступления французских коллег *Александр Михайлюк* и *Виктория Вершина* (общественная организация «Одесская гуманитарная традиция», Украина) прочитали доклад «*Семиотичность смеха*». Ориентируясь на семиотическую традицию, авторы представили юмор как знак со сдвинутым означаемым. По мнению ученых, знак позволяет людям врать, поскольку именно на принципе обмана и построена семиотическая игра в юморе. Смех является маркером понимания юмора, т. е. адекватной интерпретации знака, в основе которого лежит сдвиг значения (обман).

Доклад «*Диалоговая структура юмористических текстов: средства организации опосредованной смеховой коммуникации между автором и читателем*» представил *Александр Лаврентьев* (Удмуртский государственный университет). В исследовании автор обратился к рассказам М. Твена, основываясь на том, что смех — опыт коллективного и публичного переживания, в нем всегда присутствует элемент перформанса, когда как процесс чтения сугубо индивидуальный. Это обуславливает использование различных приемов организации текста, которые выстраивают особые отношения между автором и читателем. Исследователь обратился к произведениям М. Твена «*Людоедство в поезде*» и «*Моя автобиография*», в первых главах которых читатель помещен в определенный виртуальный коллектив (слушающие рассказ в вагоне поезда; группа, уговаривающая М. Твена рассказать о своей жизни), что позволяет читателю ассоциировать себя с тем или иным кругом лиц. Докладчик отметил, что, встраивая себя в коллектив, автор лишается особых прав и привилегий творца и оказывается на одном уровне с читателем. Происходит выстраивание групповой идентичности по принципу «свой — чужой», где ирония задает две категории понимания текста: буквальное и переносное, скрытое. Понимание второй категории строится, по мнению исследователя, на текстуальном и контекстуальном уровнях. В первом случае принципом объединения индивидов можно назвать общность совместной деятельности по считыванию заложенного смысла исходя из контекста, во втором — общность внешнего опыта, который и является ключевым в установлении специфических отношений группы. Докладчиком отмечено и политическое измерение данной проблематики: принадлежность к подобного рода группе представляется привилегией, что было продемонстрировано на приведенных исследованиях среднего класса в Англии и Нидерландах, а также на анализе текста Б. Франклина «*Метод усмирения американских вассалов*» и привлеченных идей М. Твена, где ирония была использована именно как инструмент выстраивания идентичности определенных групп. Таким образом, был раскрыт потенциал исследования иронии как инструмента в процессе человеческой идентификации и самоидентификации.

Следующей в секции выступила *Евгения Абаева* (МГПУ). Ее доклад «*Восприятие юмора в художественном тексте: читатель и переводчик*» был посвящен изучению особенностей работы профессиональных переводчиков при взаимодействии с юмористическими текстами. Важнейшей задачей исследования стал анализ факторов, влияющих на восприятие юмористического эффекта, и того, каким

образом они разнятся для читателя и профессионального переводчика. Среди таких факторов были указаны язык, на котором происходит ознакомление с текстом, и цель, с которой осуществляется его прочтение. Читатель ориентирован на получение удовольствия и смеховой реакции, переводчик же — на создание конечного продукта. Подход читателя — просмотрное чтение, у переводчика же преобладает глубинное прочтение с целью выявления всех юмористических позиций. Читатель прочтет текст (вероятнее всего) один раз, переводчик же будет перечитывать его неоднократно. В связи с этим докладчицей был поднят вопрос о возможности объективного перевода юмористических текстов. Исследовательница привела в пример проведенное ей социологическое исследование, которое продемонстрировало субъективный характер смеховой реакции.

Одним из магистральных направлений в комплексном изучении смеха является психология — неудивительно поэтому, что докладов представителей этой научной дисциплины в ходе конференции оказалось едва ли не большинство. Закономерным стало и выделение специальной дискуссионной секции для психологической проблематики. Однако с целью сохранения полидисциплинарности в программу секции были включены как представители традиционного медицинского подхода к психологии юмора и смеха, построенного на практической деятельности (гелотология), так и более общего, включающего культурологические аспекты, универалистского подхода (гелология). Практические вопросы были освещены *Станиславой Смагиной* (клуб смеха «Тригстер», Россия) в докладе «*Место смеха в психологическом консультировании и тренингах*». Дифференцируя функции смеха на психотерапии, докладчица предложила понимать смех как «дьявольское умение избегать себя и обесценивать других, райское решение любых проблем и приятную человеческую привычку балансировать между высоким искусством и пошлостью». Смех на терапии возможно использовать как диагностику, введение в ресурс или провокацию. Так, чтение подборки анекдотов может служить минитестом: где человек смеется или улыбается, там и существует напряжение, с этим и стоит работать. Вопрос о позитивных детских воспоминаниях позволяет перевести клиента из состояния жертвы в более подвижное, ресурсное. Провокация же понималась как разнообразное использование фарса на терапии, в особенности при разговоре о запретных и закрепощающих для конкретного человека темах.

Следующими выступили с докладом «*Гелотофобия и стыд при депрессии*» *Анастасия Любавская* (Научный центр психического здоровья РАМН) и *Алена Иванова* (ФГБОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова / ФГБНУ НЦПЗ). Докладчицы представили промежуточные результаты прикладного исследования, проводимого среди пациентов с депрессией на фоне аффективных расстройств в возрасте от 25 до 45 лет. Испытуемые отчетливо дифференцировали разницу между виной и стыдом. Пациенты определяли вину как «давящее, плачущее, жалящее, токсичное»; стыд — как «уничтожающее, тяжелое и тревожное» чувство, «осуждение других», «желание спрятаться». То есть при описании стыда гелотофобы фокусировались на реакциях других людей, их осуждении и ассоциировали стыд с насмешками. В отличие от них, пациенты без гелотофобии были ориентированы больше на свои внутренние переживания, чем на внешнюю оценку, и зачастую вовсе затруднялись дифференцировать вину и стыд. «Таким образом, дальнейшее изучение переживаний стыда, вины и гелотофобии при аффективных расстройствах может способствовать развитию методов тонкой дифференциальной диагностики этих пациентов», — подытожили докладчицы.

Затем выступил *Михаил Пронин* (Институт философии РАН) с докладом «*Внутрипсихологические механизмы смеха: виртуальный подход, или Онтология “Смешинки”*», в начале которого он озвучил задачу привлечь внимание к вир-

туальному подходу школы Н.А. Носова. Это ожидаемо перенесло секционную дискуссию из психологической в метафизическую, поскольку в качестве предмета своего рассмотрения данная школа берет феномены временные, существующие в актуальной, энергичной форме, которых нет до (в начале) и после (в конце) взаимодействия — как и виртуальных частиц в физике, — или «смешинки» в коммуникации. Смех — синтетический узел, модулируемый во внутреннем пространстве человека. Поэтому мы можем говорить о том, что человек всегда смеется над самим собой, так как генерирует контекст, с которым он входит в ту или иную ситуацию.

Развивая тему значимости смеха при проведении терапии, *Герман Пайо* (компания «Educahumor», Испания) в докладе «Юмор и смех: инструмент для специалистов по уходу за больными деменцией и болезнью Альцгеймера» рассказал о собственной разработке — онлайн-курсе для тех, кто ухаживает за больными людьми, который прошли уже 4190 участников. Автор курса руководствовался следующим: обучая студентов, необходимо учитывать юмор при общении с больными людьми, чтобы в результате получить гибкую и креативную личность. Основой для доклада стал анализ статистических данных о продуктивности курса и обратная связь от прошедших его (исследуемая группа — от 20 до 60 лет из разных стран и разной занятости). Докладчик уверен, что в работе с пациентами нужно использовать юмор и игровые методы, мотивировать креативность, реализацию творческого потенциала. Как показала практика, такой подход позволил значительно снять нервозность и напряжение у пациентов. По мнению докладчика, смех в стрессовых ситуациях для больных деменцией и болезнью Альцгеймера служит спасением. Доклад был проиллюстрирован юмористическими зарисовками-кариатурами на тему деменции и болезни Альцгеймера.

Продолжая проблематику, в докладе под названием «Особенности отношения к юмору и смеху у пациентов при пограничных психических расстройствах и повреждениях головного мозга» с результатами своих исследований выступила группа молодых ученых — *Денис Шуненков, Александр Попович, Анна Морозова* (Ивановская государственная медицинская академия Минздрава России) и *Виктория Образцова* (Научный центр психического здоровья ФНКЦ РР). Исследование проводилось с помощью трех опросников, направленных на изучение таких явлений, как самостигматизация (реакции пациентов на то, как их воспринимает общество (стесняются своей болезни)) и гелотофобия (страх насмешки) у разных групп пациентов. Страх насмешки — это нормальная реакция для пациентов, однако, как показало исследование, у пациентов с повреждениями головного мозга уровень гелотофобии заметно выше нормы, в отличие от тех, кто страдает психическими расстройствами. Кроме того, важно отметить, что чувство юмора при психических расстройствах изменяется.

Отдельное внимание было уделено смеху в литературе на секции «Гелологические исследования литературы». С сообщением о предчувствии комплексной науки о смехе в рассказе писателя-фантаста А. Беляева выступил *Михаил Федотов* (Таллинский университет) с докладом «Концептуализация юмора и прообраз гелологии в рассказе А. Беляева “Мистер Смех”». Как часто бывает в произведениях А. Беляева, действие вынесено в США — в менее знакомую советскому читателю обстановку, что позволяет автору избегать идеологических моментов и сосредоточиться на футурологических «предчувствиях» реальности, подвергая научно-фантастическому осмыслению возможные достижения техники. Рассказ «Мистер Смех», написанный в 1937 году и опубликованный в журнале «Вокруг света», несет в себе следы той теоретической работы, которая велась в 1920—1930-е годы в СССР, по изучению юмора и смеха, в первую очередь как средства борьбы, а также самокритики и социальной рефлексии (А.В. Луначарский «О са-

тире»). Несмотря на то что сама теория главного героя, с помощью которой удается инструментализировать смех, в рассказе не раскрывается, тем не менее достаточно полно очерчиваются основные темы гелологии: проблема соотношения юмора и машинного творчества (фактически проблематика искусственного интеллекта); физическая комедия (автоматизм в юморе и смехе); социология юмора; проблема воздействия юмора и смеха на психическое здоровье (прикладной и терапевтический гелотологический характер смеха, гелотофобия); коммодификация смеха и юмора; смех и юмор как форма власти и насилия; актуализация этических аспектов смеха и юмора.

Еще один интересный подход был продемонстрирован *Ольгой Глуховой* (СПбГУ) в докладе «*Юмористическая коммуникация в детской литературе как инструмент построения культурной среды: на примере книг С. Нурдквиста*». Анализируя детские произведения шведского писателя, исследовательница использует концепт «культурная среда», которая состоит из нескольких уровней: главные персонажи (Финдус и Петсон); животные, живущие во дворе; соседи; невидимые существа (мюклы). Каждый из этих уровней является независимым от другого, но все они замыкаются и строятся как социальное пространство вокруг основных персонажей. Повествование переходит между этими уровнями социальной среды, представители которых коммуницируют между собой и с главными героями в том числе с помощью юмора. Внутри повествования все соответствует локальным законам, поэтому для действующих лиц все абсолютно логично. Юмористическое же содержание в ситуации вкладывает автор, помещая события и слова в комический контекст: герои не шутят друг с другом, никогда не иронизируют, — смеется читатель, т. к. со стороны он видит юмористический подтекст. Излюбленный прием для создания комического эффекта Нурдквиста — это синтаксический параллелизм, однако докладчица продемонстрировала и другие способы достижения автором комического эффекта.

Смех в культуре также вызывает большой интерес у исследователей, поэтому была создана секция, посвященная осмыслению трансформации юмора или смеха в истории культуры. В докладе «*Концепция гуманизации мифа как инновационный подход к феномену “Благодетельный трикстер”*» *Жозефина Кушниц* (Институт культурного наследия, Республика Молдова) изложила собственную концепцию генезиса мифа в аспекте смеховой культуры через фигуру трикстера. Архетип трикстера — один из важнейших, как отмечал Юнг, который, пытаясь осмыслить злое трюкачество, истолковывает его как тень, как животное состояние. Формула трикстера — совершать вселенски значимые дела под маской плутовства и обмана. Трикстер созидает мир смехом, поэтому, по мнению исследовательницы, настоящим является только благодетельный трикстер, который способствует гармонизации мира.

С любопытным подходом выступил практикующий режиссер и театровед *Обри Меллор* (Вьетнамская международная академия исполнительских искусств) в докладе «*Комик входит в образ: люди забавны, но еще забавнее утрирование типического*». Меллор обратился к теории театра и на примерах из его истории проанализировал типы комических образов. По мнению докладчика, в культурологическом отношении темпераменты можно отнести к архетипам. Для достижения комического эффекта в юмористических произведениях авторы сочетают черты разных «чистых» темпераментов, но при этом важное значение имеет их контрастность, иначе персонаж предсказуем и скучен. Докладчик сделал обзор практических приемов построения персонажа, которые могут быть использованы не только актерами, но и любым человеком для успешности коммуникативных действий и построения образа.

Виктор Левченко (общественная организация «Одесская гуманитарная традиция», Украина) в сообщении «Границы смешного и расширение зрительской идентичности в современном музыкально-драматическом искусстве» представил интересную интерпретацию оперного и балетного искусства. Анализируя иронию как инструмент построения произведения, а также исторические трансформации эстетической теории, докладчик пришел к выводу, что современному искусству свойственна эмансипация от интерпретационных полей, важна интенсивность шокового воздействия на зрителя с помощью провокации. Тренд оперного и балетного искусства — столкновение аудиального и визуального материалов, что приводит к рождению новых смыслов. По мнению исследователя, главная цель такого искусства — введение зрителя в эстетический шок, помещение на границу смешного и серьезного с целью создания нового понимания самого себя.

Не менее актуальные вопросы обсуждались в секции «Советский смех», где первой представила свой доклад «Юмор и сатира в повседневной жизни советского общества 1920-х годов» Галина Рябова (Пензенский государственный университет). Докладчица исследовала уровни существования юмора и сатиры — официальный и неофициальный, — а также их жанровые формы. Публиковавшиеся в прессе фельетоны, юморески, карикатуры можно отнести к официальному уровню, поскольку чтение газет было частью повседневной жизни советского человека. Помимо этого, к официальному уровню можно отнести и выступления агитбригад, в частности «Синей блузы», в репертуаре которых всегда были сатирические куплеты, направленные против «врагов внутренних и внешних». На неофициальном же уровне можно выделить такие формы, как частушки, шуточные песни и анекдоты с разнообразным содержанием: от бытовых и любовных тем до политических. Так, по мнению докладчицы, на этом уровне через юмор и сатиру выражались критическое отношение к власти и народный протест. Однако в обоих контекстах юмор и сатира имели свои цели и выполняли разнообразные функции: от идеологической до релаксационной.

Фокус докладов сместился от советской публицистики к советской художественной литературе. Борис Бегун (Европейский университет Виадрины, Германия) своим докладом «Сатира и самокритика как инструменты конструирования альтернативной истории советской Украины в романе Александра Ирванца “Харьков-1938”» осветил сатирическую картину альтернативной истории Украины. Докладчик последовательно рассмотрел способы сатирического изображения украинских исторических персонажей в романе, а также отметил идеализацию националистических идей, которая сочетается с едкой самокритикой. Кроме того, прочерчивание новых границ было представлено не только как способ перекартирования украинского пространства, но и как способ иронического переосмысления украинской, российской, польской, немецкой истории. Таким образом, была продемонстрирована роль сатиры и самокритики в самоосмыслении народа.

Закрывал секцию доклад Марии Воробьевой (Уральский государственный экономический университет) «О границах дозволенного и объектах высмеивания в позднесоветской сатире (на примере киножурнала “Фитиль”)». Данный киножурнал стал важной частью государственной сатиры, целью которой было утверждение существующего строя путем разоблачения его отдельных недостатков. Свидетельством государственного значения являлась массовая распространенность «Фитиля», которая обеспечивалась предваряющим его выпуски киносеансами. Большое значение «Фитиля», по мнению докладчицы, вероятно, объяснялось не только реализуемой им функцией снятия социального напряжения, но и тем, что его содержание обозначало разрешенные для критического рассмотрения ситуации, объекты сатиры и меру остроты критики. Исследовательница отмечает, что

некоторые темы, такие как бюрократизм, плохое руководство, некачественный сервис в торговле и общепите, поведение частных лиц в быту, были неодинаково востребованы в разные десятилетия существования киножурнала. Кроме того, на протяжении советского периода работы киножурнала возникают новые темы, колеблется социальный уровень объектов сатиры, меняется характер осмеивания. Таким образом, на материале выпусков «Фитиля» за 1960—1980-е годы была продемонстрирована встроенность киножурнала в систему государственной сатиры, выявлен перечень тем сатиры в статике и динамике, а также типичные объекты сатиры, была продемонстрирована специфика комизма в киножурнале и его трансформации.

Секцию «Смех и историческая память: гелологические аспекты музеификации и музееведения» открыл доклад *Лиизи Лайнесте* (Эстонский литературный музей) «Травма и юмор в комиксах времен Второй мировой войны», в котором исследовательница представила юмор как способ справиться с травмой. Были выделены различные виды шуток и юмора (шутки о катастрофах, скандалы с участием знаменитостей, военный юмор, шутки о смерти, еврейский юмор), а также их функциональность. Однако, отмечает докладчица, юмор может опошлить болезненный опыт. То, каким образом происходит опошление травмы, очевидно: мы смеемся над чужими страданиями, поскольку не принимаем их всерьез, и подталкиваем падающих. Материалом исследования стали рассказы из собрания эстонских биографических произведений, которые отражают влияние травмы на чувство юмора.

Продолжил секцию доклад «*[He] для развлечения толпы*»: роль смеха во времена политической неволи. На примере Польши после раздела (времена Романтизма)» *Моники Станкевич-Копеч* (Академия Игнатианум в Кракове). Докладчица обратилась к последним психологическим исследованиям, согласно которым наиболее улыбающимся народом из современных европейцев являются англичане. Поляки же, напротив, отличаются своей угрюмостью, так как улыбка для них — проявление глупости. Среди причин этого феномена исследователи выделяют экономические вопросы, уровень жизни, систему ценностей и исторический опыт. По мнению докладчицы, именно исторические события — главные виновники такой статистики, а если говорить конкретнее, то речь идет о периоде трех разделов Речи Посполитой. Говоря о роли смеха во времена политической неволи, исследовательница особенно концентрирует внимание на эпохе польского романтизма, так как поляки, жившие в этот период, стали первым поколением, которое не знало независимости (и так никогда ее и не узнало). Так, писатели эпохи польского романтизма используют комическое в развлекательных целях, а также в качестве способа показать амбивалентность окружающего мира, его неоднозначность и странность. Докладчица обратилась к истории творчества Александра Фредры, в частности к критической статье С. Гоцинского, которая подняла существенный для польской культуры вопрос: «Можно ли свободно смеяться человеку в ситуации угнетения?» Поляки ответили скорее отрицательно, так как польский комизм, с точки зрения докладчицы, после этого окончательно стал одним из главных средств воспитания и формирования народа, т. е. инструментом идеологическим, дидактичным и морализаторским, в результате чего поляки и вовсе практически перестали смеяться.

Секцию «Функциональный аспект смеха и юмора» открыло выступление *Анджея Геларовски* (Академия Игнатианум в Кракове), посвященное представлению о смехе и смешном в контексте идей А. Бергсона. Доклад «Смех как социальная коррекция характера в подходе Анри Бергсона» исследователь начал с прояснения ключевых терминологических позиций. Важнейшим понятием для Бергсона

выступает понятие «жизнь», которое идентифицируется как «жизненный порыв» («*élan vital*»). Жизнь «представляется источником реальности, стоящей у начал всего». Так же и человек рассматривается как ее плод: «человек есть жизнь», «жизнь раскрывает свою природу в человеке». Жизнь предстает как динамизм и творчество, заключающееся в преодолении прошлого настоящим. Понятию жизни противопоставлена мертвая материя, которая является для жизни лишь материалом ее творческой деятельности. Прошлое, в свою очередь, отождествляется с косностью и инертностью мертвой материи. Заданным оппозициям соответствуют специфические стратегии познания. Позитивистскому видению, опорой которому служит понятие разума, разделяющего реальность на части, а затем связывающего по принципам причинности и ассоциаций, противопоставляется интуитивное познание, обеспечивающее целостное знание, которое не подвергается фрагментации. Таким образом, иллюстрируется разделение между миром самости и миром вещей. Однако между ними имеются связи. Это происходит в общественной жизни, которая рассматривается в качестве места возникновения комического. Вводится понятие «глубинного “я”», где человек остается в тесном контакте с «жизненным порывом», но человек существует в обществе, в котором на «естественное состояние “горячих” страстей» необходимо накладываются общественные правила. Формируется «поверхностный покров чувств и понятий, которые стремятся быть неизменными». Это составляет человеческое «поверхностное “я”», или же «социальное “я”», которое является редуцированной формой личности. Общество, таким образом, представляется двойственно: оно, с одной стороны, является причиной ограничения динамизма жизни, с другой — оно же насыщено этим динамизмом. «Социальное “я”» страдает от инерции и автоматизма, оно постоянно живет в угрозе разрыва с динамизмом жизни. И именно эту окостенелость Бергсон ассоциирует с комическим, с тем, что вызывает смех. Он называет эту механизацию, автоматизацию *характером*, и считает, что каждый характер является смешным, подразумевая под ним все, что в нашей личности является раз и навсегда предрешенным. В подобном «замирании», выраженном в характере, Бергсон видел угрозу обществу. Разрешению возможной опасности способствует смех. Смех возникает как реакция на антиобщественное поведение. Смех, таким образом, представляется как естественный порядок вещей, он является «проявлением естественного механизма, созданного в нас природой». Смех обладает социальной функцией, сводящейся к экспонированию вещей, ускользающих от социального воздействия, которое нацелено на достижение сбалансированного общественного развития.

Второй доклад в секции, «*Юмор как оружие и инструмент*», представил Игорь Криштафович (Украина — США). На примере прошедших недавно выборов президента Украины докладчиком был рассмотрен способ достижения политических целей при помощи смеха. Анализ речи В. Зеленского на дебатах с П. Порошенко показал, что использование юмористических приемов способствовало победе первого кандидата, который, по мнению Криштафовича, не имея обособленной программы, умело использовал специфические приемы для достижения результата. Таким образом, была продемонстрирована важнейшая роль юмора в современном политическом дискурсе.

Одно из выступлений в данной секции было посвящено анализу сельского юмора в Республике Беларусь. В докладе «*Социопрагматические особенности сельского комического дискурса*» Нина Фомичева (Белорусский государственный университет) начала с подробного описания и характеристики методологического аппарата. Было представлено три подхода в анализе комического. В первом случае предлагается рассматривать комическое как жанровую и смысловую форму. Второй подход, который был обозначен как дискурсивный, заключается в анализе,

опирающемся на контекст, в который погружен конкретный текст. Третий подход — когнитивный метод оппозиции сценариев. В его рамках комический эффект проявляется при переключении между двумя вышеописанными когнитивными моделями. Последний метод анализа был отмечен докладчицей как особенно эффективный. При этом в рамках работы он применяется не только на вербальном, но и на ситуативном, прагматическом, аксиологическом уровнях. Прикладная часть исследования заключалась в анализе текстов фестивалей юмора. В исследовании были выделены социокультурные особенности функционирования комического в сельском дискурсе: диалектальная лексика, народная этимология, оценочная лексика. Обозначенные особенности белорусского сельского комического дискурса состоят в переключении с литературного белорусского языка на «трясянку», на русский язык, активное использование антропонимов, фольклорные аллюзии, неологизмы с шутливой семантикой. Исследовательница завершила выступление выделением прагматических функций юмора. Таковыми выступают развлекательная функция и функции, связанные с самоидентификацией, выстраиваемой через оппозицию «свои — чужие» и декларацию своей региональной идентичности.

Валерий Лапшинский (Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ») в докладе «*Текст-майнинг анекдотов и баек (на примере элитного вуза МИФИ)*» презентовал свою работу по сбору и структурированию анекдотов, которые создаются и функционируют внутри конкретной институции — Московского инженерно-физического института. Докладчик использовал разработки А.С. Астаховой, представленные в диссертации «Корпус студенческих анекдотов», однако задача Лапшинского — не ограничиваться только студенческими анекдотами, а полностью собрать профессиональный корпус. В своей работе исследователь использует искусственный интеллект (AI), маршрутное обучение (MZ; Методы и алгоритмы), а также Date Mining, Text Mining. По представлениям докладчика, полученные в исследовании результаты можно будет универсализировать, а методология Text Mining поможет в познании законов анекдотического жанра в целом.

Милена Поклонская (РНИМУ им. Н.И. Пирогова) исследовала чувство юмора россиян с помощью Многомерной шкалы чувства юмора (MSHS), которую разработали Дж. Торсон и Ф. Пауэлл (J.A. Thorson & F.C. Powell) и которая уже использовалась в Хорватии, Португалии, Китае, Чили, Румынии и в других странах. Адаптированный для российской аудитории и исследующий четыре фактора отношения к юмору опросник был проверен с помощью опросника стилей юмора Мартина, опросника гелотофобии, шкалы Мартина и Лефкорт. Результаты работы были представлены в докладе «*Апробация многомерной шкалы чувства юмора на российской выборке*». Несмотря на то что исследование показало успешность адаптации, надежность шкал опросника и его высокую валидность, тем не менее некоторые пункты методики требуют доработки. Участники дискуссии после доклада предложили разработать некий этнографический метод для объяснения причин различия показателей у представителей различных стран, участвовавших в опросе, также дополнить исследование маркировкой смеховой реакции, которая могла быть показательна, а также методом анализа дневников (записывать слова опрашиваемых и просить их интерпретировать записанное).

В продолжение обсуждений гелологического содержания культуры была организована специальная секция о смехе в фольклоре и постфольклоре. В составе секции оказались доклады ученых исключительно из Эстонии, где это направление гелологии хорошо разработано. О фольклоризации образа эстонского силача Георга Луриха (1876—1920), являющегося народным героем, которым эстонцы гордятся

и которого часто вспоминают, рассказал *Калле Воолайд* (Эстонский музей спорта и олимпийского движения) в докладе «*Поднятая лошадь и прочие приключения: силач Георг Лурих в забавных анекдотах*». Докладчик представил свою коллекцию историй о Георге Лурихе (более ста), которые до сих пор рассказываются в качестве анекдотов. Будучи первым успешным на мировой арене эстонским спортсменом-силачом, Лурих оказал влияние на идентичность эстонцев. Сам спортсмен имел отличительную внешность — был ростом ниже современников-силачей, но при этом побеждал их в турнирах, обладал огромной силой (был способен поднять лошадь, перетянуть двух верблюдов). Свои способности и особенности он успешно использовал в рекламных целях, хорошо понимая маркетинговый потенциал образа силача Георга Луриха, благодаря чему он был очень популярен, в том числе у инвесторов по всей Европе. Позы на рекламных плакатах сегодня могут показаться смешными, тогда как в свое время они вызвали бурную реакцию. Лурих публиковал статьи о спорте, выступал с речами о том, почему важно заниматься спортом, как стать спортсменом. Фольклоризация образа служит возможным инструментом построения коллективной идентичности, однако для этого процесса не имеет никакого значения реальность происходивших с прототипом событий.

Новый интересный подход к такому распространенному фольклорному жанру, как пословицы, продемонстрировала *Пирет Воолайд* (Эстонский литературный музей) в докладе «*Кто задерет собаке хвост: насмешки и издевки в пословицах*». Пословицы являются важной частью повседневной разговорной речи, распространяются в медиа. Соотношение юмора и пословиц в целом хорошо изучено, и фокус доклада был направлен именно на использование в них приема высмеивания. Большую роль в исследовании играет ситуативность, — пословица приобретает и проявляет свой смысл только в определенном контексте или же вовсе его меняет. Поэтому докладчица принимает во внимание, где и когда высказывается шутка, а также кто является говорящим. Для исследования использовались не только классические источники («Антология эстонских пословиц»), но и новые (городские граффити). На содержание пословиц, по мнению докладчицы, оказали влияние современные события (эпидемия свиного гриппа, присоединение Эстонии к ЕС).

Анастасия Федотова (Университет Тарту) представила доклад под названием «*Шутки о теще/свекрови в семейном контексте: обсуждение типичных особенностей и нарративной дистанции*». Шутки о матери одного из супругов стали появляться в XIX веке и относились, как правило, к свекрови. В XX веке шутки о теще стали более популярными (особенно во второй половине века). Основные темы таких высмеиваний — экономический аспект семейных отношений, вмешательство в жизнь семьи и смерть, а также похороны тещи. Чаще всего теща выступает как отрицательный персонаж и скорее как ситуативный объект, но не главный герой. Шутки с ее присутствием похожи на черный юмор и носят противоречивый характер. При сопоставлении с другими тематическими блоками шуток можно сделать вывод о том, что если в последних наблюдается общая структура, то анекдоты о теще таковой не имеют. Докладчик отмечает, что восприятие шуток о теще обусловлено расположением к ней собеседника, т. е. эмоциональная окраска, которую приобретает смешная история, зависит от личного опыта и микроклимата отдельной семьи.

Культурологический блок продолжила секция, посвященная гелологическим исследованиям религиозных представлений, в ходе которой прозвучало несколько важных и интересных докладов, и первым из них был «*Религиозный анекдот: между кощунством и святостью*» *Александра Бродского* (СПбГУ). По мнению докладчика, в основе анекдота лежит пародия, обращенная на сложившиеся нарративные клише и высмеивающая различных персонажей действительности.

Анекдот предполагает знание контекста, поэтому он апеллирует к определенной общности. При изображении представителей конкретных наций анекдот пародирует стереотипные образы, благодаря чему в нем можно увидеть начало национального самосознания. При этом в религиозном анекдоте сочетаются как национальная, так и религиозная составляющие «особости» персонажа. Еще одним объектом религиозного анекдота является самообосновывающаяся истина, которая для верующих служит достаточным аргументом, а для остальных — источником пародии.

Следующий доклад «*Радость и печаль в духовной жизни по Игнатию Лойоле*» представил *Томаш Хома* (Академия Игнатианум в Кракове). Исследователь предложил интерпретировать человеческую эмоциональность и способы ее выражения в свете одной из школ христианской духовности. Особым образом были отмечены различные переживания радости и печали. Согласно школе Игнатия Лойолы, эмоциональность, неоднократно испытываемая как своеобразный и часто непонятный «шум», может, по сути, представлять собой в то же время эмоциональную, понятную «речь», однако для этого необходимо правильно «читать» испытываемые нами в эмоциональной сфере переживания. Исследователь продемонстрировал такое «прочтение» во второй части своего выступления.

От христианской культуры следующий докладчик *Андрей Мурашко* (НИУ ВШЭ) предложил перейти к исследованию смеха в рамках цивилизации Ближнего Востока. Доклад «*Смех, карнавал и религия в Древнем Египте*» осветил проблему взаимодействия смеховой культуры Древнего Египта с категорией сакрального и представил «смешные» изображения на стенах гробниц и в храмах, где египтяне отправляли свой культ. Опираясь на модель карнавализации литературы, предложенную М. Бахтиным, исследователь анализирует материал Среднего и Нового царств. Невероятные события в повестях и сказках описываются в бурлескной, гротескной форме, а великие боги выступают дураками. Так, по мнению докладчика, раскрывается амбивалентный характер древнеегипетского смеха: египтяне могли шутить над божественным и оставаться при этом глубоко религиозными.

Секцию «Гелос и танатос» открыло выступление *Алексея Царева* (Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН). В докладе «*Смеется то, что смеется последним: гелология зловещего*» выступающий представил попытку рассмотрения смеха как такового, не привязывая его к социальному аспекту. В классическом понимании смех представлен как исключительно человеческая черта. Другими словами, не люди — это то, что не может смеяться. В этом аспекте исследователь предложил два представления о смехе: механический смех как акустическое явление и демонический смех как смех чего-то Иного, нечеловеческого, где на базовом уровне смех сообщает о жизни того, что смеется. Теоретическим осмыслением первого может выступить акузматика (направление в sound studies), изучающая звук, источник которого не подлежит наблюдению. В данной ситуации некоторый звук считается как смех без прямого контакта с его источником. Для понимания второго подхода докладчик привлек идеи Х. Симпсон. В контексте ее исследования творчества С. Беккета смех представляется как сущностная характеристика человека, которая, однако, не столько утверждает, что человек — смеющееся животное, сколько сообщает человечность чего бы то ни было. Корни подобной трактовки обнаруживаются в готической литературе, которая, по замечанию Царева, изобилует всевозможными изображениями нечеловеческих существ. Отметив аналитический характер представленного разделения, исследователь завершил выступление, указав на возможность сравнения этого подхода с антропологической концепцией Х. Плеснера.

От исследования нечеловеческого смеха следующий докладчик, Анна Боталова (СПбГУ), предложила перейти к проявлениям смеха в его социальном аспекте. В докладе «Гелологические аспекты экранной жестокости» исследовательница обращается к репрезентации жестокости средствами кинематографа, которые на практическом уровне часто вызывают смеховую реакцию. Для объяснения причины подобной реакции докладчица обращается к фундаментальному вопросу теории кино: вопросу о реальности воспринимаемого на экране. Боталова привлекает к анализу идеи К. Метца о различных уровнях веры в происходящее на экране, варьирующиеся от непосредственного вовлечения до принятия условности, вымышленности происходящих событий. Они были дополнены идеями Р. Жирара, который выделял два фундаментальных условия возникновения подобной смеховой реакции. Первым условием является ощущение угрозы. Однако она не должна быть слишком реальной — зритель должен дистанцировать себя от происходящего на экране. Вторым условием представляется необходимая позиция зрителя, наблюдателя. Именно в этой области предлагается искать причину возникновения смеховой реакции на жестокость. Представленные идеи были использованы в качестве аналитического аппарата и продемонстрированы на киноматериале. На примере фильма «Поколение игры “Doom”» Г. Араки был показан принцип введения паттерна как механизма, уводящего зрителя от реальности производимой на экране агрессии, что становилось источником комического эффекта. На примере фильма Й. Нишимуры «Токийская полиция крови» демонстрировалось, как чрезмерное, утрированное насилие приводит к утрате реалистичности происходящего и становится объектом скорее насмешки, чем смеха. На примере сцен бойни из фильма К. Шаброля «Церемония» докладчица продемонстрировала минимизацию эффекта правдоподобия, когда угроза кажется слишком реальной. В подобной ситуации смех является техническим инструментом, который позволяет преодолеть вовлеченность в фильм. Так, смех может выступать как механизм дистанцирования зрителем от выражающего некоторую травму происходящего на экране. Таким образом, в докладе были рассмотрены условия возникновения смеховой реакции на жестокость, а также возможный функциональный аспект смеха при наблюдении жестокости.

Среди докладов последней секции «Смех в кино и театре» особый интерес вызвал доклад Дарины Поликарповой (СПбГУ) «Кино-автоматизм: основания для смеха в фильмах Эдгара Райта». Основанием для философского и эстетического осмысления фильмов стал подход А. Бергсона, для которого большое значение имели концепты «анестезия сердца» и «автоматизм». У смеха нет более сильного врага, нежели переживание, поэтому, чтобы смеяться, необходима «анестезия сердца» (блокировка переживаний). Она позволяет снять этическую перспективу. Еще одно условие появления смеха — «автоматизм», противопоставляемый живости (жизненности). Исследовательница выделила такие формы «автоматизма», как повторение, инверсия, интерференция. Для создания комического эффекта кинематограф использует установившиеся клише. По Бергсону, который не имел в виду кинематограф, жесты присущи только человеку, однако, по мнению докладчицы, некоторые фильмы показывают, что жест может быть оторван от человеческого и в этой ситуации производит даже больший комический эффект. Эдгар Райт — пример сочетания проблематики смеха, автоматизма и кино. Режиссер берет клише и с их помощью создает комический контекст. При этом визуальные клише (готовые кинотексты) для него важны не как происходящее, а как уже сделанное (снятое). Механические движения принадлежат не столько персонажам, сколько технике, так как комический эффект создается средствами повторения, что кажется докладчице одним из самых важных способов построения комичес-

кого. «Автоматизм» движений у Эдгара Райта связан больше с монтажной работой, чем с персонажем.

Четырехдневная работа конгресса показала значимость проблематики, открыла новые направления исследовательской работы. Участники приняли решение о проведении следующего конгресса 12—15 мая 2021 года, обозначив его тему как «Юмор и смех в глобальном мире».

*Ольга Глухова, Любовь Мячина, Александр
Тихвинский, Сергей Троицкий¹*

Междисциплинарный семинар «Производство аффекта: практики, поэтики, политики и технологии манипуляции»

(Самарский университет, 13—14 декабря 2019 года)

В центре штудий междисциплинарного семинара «Производство аффекта: практики, поэтики, политики, технологии манипуляции», состоявшегося 13—14 декабря 2019 года в Самарском государственном национальном исследовательском университете им. акад. С.П. Королева, оказалась проблематика аффекта и манипуляции эмоциями в различных сферах: литературе, искусстве, праве, в публичных курсах и коммуникативных практиках.

Проблематика семинара апеллировала к относительно новой тематической и методологической тенденции в социальных, гуманитарных науках и философии, возникшей примерно в начале нынешнего века и схватываемой в понятии «аффективного поворота». Принадлежащая контексту так называемой истории эмоций и культурных исследований, сегодня эта тенденция распространяется на широкое предметное поле: от теории медиа до социологии эмоций и концепции «общества переживаний». Представители «аффективного поворота» спорят о природе аффекта, о том, что такое «социальная эмоция».

Работа семинара открылась в Самарском университете 13 декабря. Первая секция докладов носила название «Аффективный мимесис».

Сюжеты первого дня были посвящены проблематизации манипулятивного потенциала в разных сферах деятельности, и не только в художественных языках, в литературе и кино, но и в научном дискурсе. Таким образом, все участники имели возможность рефлексировать над собственными заблуждениями, насколько это возможно, что и показал ход дискуссии.

Пленарное заседание открыл доклад *Николая Рымаря* (СНИУ им. акад. С.П. Королева, Самара) «Усомниться в собственном существовании». Докладчик отметил, что «критика языка» является одной из важнейших особенностей функционирования искусства XX—XXI веков. Еще Ортега-и-Гассет утверждал, что так называемое высокое искусство не будет доступно большинству именно потому, что

1 Обзор написан при участии Екатерины Арашиной (РГПУ им. А.И. Герцена), Алены Богатковой (СПбГУ), Елизаветы Захарченко (РГПУ им. А.И. Герцена), Антона Натягина (РГПУ им. А.И. Герцена), Елизаветы Павлюченко (РГПУ им. А.И. Герцена), Рады Смирновой (РГПУ им. А.И. Герцена), Елены Шустик (СПбГУ).